ковские ведомости» в «междустрочной тенденции», т.е. в уменьи читать между строк и отыскивать криминал.

Вместе с тем в газете, редактируемой Тихомировым, можно найти и популистские материалы, например, большую статью о положении писарей. Различные учреждения требуют большого количества людей этой профессии, но никто не заботится о тяжелом положении многочисленных канцелярских тружеников, получающих мизерную зарплату, для которых нет никаких курсов повышения квалификации подобно некоторым другим профессиям.

Принципиальной можно считать в 1909 г. статью от 31 июля на первой полосе «Шведская забастовка и русская печать». В ней говорилось: в Швеции идет классовая борьба, постоянные забастовки рабочих. Русские газеты легкомысленно, по мнению автора, отнеслись к подобным «печальным» событиям у северного соседа. Левая печать толкает людей на продолжение забастовок, раздувает социальную борьбу. Одна газета (мы не называем этих газет, замечает автор, они — лживые печатные органы) «довралась», утверждая, что в Стокгольме бастовали 500 000 человек, тогда как в этой стране рабочих меньше указанного числа, и никакая площадь не вместит такого количества людей, а ораторов не будет слышно всем собравшимся на митинге. Но это написано в газете, написано с целью провокации, с тем расчетом, вдруг и у нас произойдет подобное.

Зачем взращивать революционные инстинкты подобными сообщениями? — спрашивает редактируемая Тихомировым газета. Положение отечественных рабочих сложное, тяжелое. Они научились читать, но еще не имеют своего суждения и попадаются на удочку революционеров-интеллигентов, чтобы развертывать классовую борьбу. Неведение рабочих позволило превратить их организации в орудие социалистов. Предприниматели в этой борьбе отстаивают свои интересы. Но чем бы дело ни кончилось в Стокгольме, русским рабочим надо понять, что подражание шведским рабочим повергнет нашу страну в «беспросветные бедствия».

Заканчивалась статья призывом не поддаваться на подстрекательства радикальной печати.

Таким образом, по всем значительным вопросам общественной жизни газета являет себя сторонником существующего режима общественного уклада. Насаждение национал-патриотизма, осуждение революционной инициативы рабочих — главное в ее содержании.

Л. Тихомиров состоял редактором «Московских ведомостей» до 1913 г.

Поступила в редакцию
14.01.2013

Е.В. Сартаков, аспирант кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: esartak@mail.ru

«ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» Н.В. ГОГОЛЯ: ПОМЕЩИК И КРЕСТЬЯНИН

В статье анализируется вопрос взаимоотношений помещика и его крепостных на материале книги Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Пространство повседневности «русского помещика», по Гоголю, наполнено наставлением мужиков и общей с ними работой, чтением духовной литературы, а также общением с сельским священником. Подобное поведение помещика объясняется в первую очередь патерналистской консервативной программой автора книги. Возможный источник гоголевской оптимальной программы отношений помещика и крепостных — повесть И.Г. Кулжинского «Уездный судья нашего уезда» («Маяк современного просвещения и образованности», 1842 г.), которая образует со статьями «Выбранных мест...» многочисленные интертекстуальные связи.

Ключевые слова: *Н.В. Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями», помещик, крестьянин, консерватизм, И.Г. Кулжинский.*

The work is focused on the relations between the nobility and their peasants as presented in "Selected Passages from Correspondence with Friends" by Nikolai Gogol (1847). The reality of Russian nobility according to Gogol is filled with constant preaching of their peasants, doing common work along with them, reading religious literature while maintaining good relations with the local priest. This behaviour is explained by paternalistic and conservative views of the author. Our hypothesis states that the scheme of the relations described by Gogol takes its roots back in "Our local judge" by I. Kulzhinski (published in "Majak" ["Beacon of contemporary enlightenment and education"], 1842). The intertextual connections between these two pieces make it possible to include the work by Kulzhinski in the list of the likely sources of the «Selected Passages...».

Key words: *Gogol, "Selected Passages from Correspondence with Friends", nobility, peasant, conservatism, Kulzhinski.*

В истории русской литературы (и шире — культуры) последняя опубликованная книга Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (далее — ВМ), вышедшая в начале 1847 г., занимает особое место. Отвергнутая многими современниками, эта книга на долгое время была подвергнута остракизму и забыта. Консервативная утопия[1], предложенная Гоголем, не была востребована во второй половине XIX в. и актуализирована в начале XX в. в работах Д.С. Мережковского, А. Белого, В.В. Розанова и др., и позже — в ис-

[1] В жанровом отношении ВМ от утопии принципиально отличаются, на что указали Е.И. Анненкова [Анненкова, 2007, с. 8] и Ю.В. Манн [Манн, 2009, с. 27], однако в концептуальном смысле программа ВМ, бесспорно, утопична.

следованиях русской эмиграции у Г.В. Флоровского, В.В. Зеньковского, К.В. Мочульского [Последняя книга Гоголя, 2010]. Причем в этих исследованиях ВМ рассматривались как текст преимущественно духовный. Вместе с тем понятно, что на страницах ВМ Гоголь ставил не только духовные вопросы. В гоголевской книге поднимались многие актуальные для того времени социокультурные проблемы, что позволяет рассматривать ВМ и как публицистический текст.

Одна из наиболее значимых тем книги — вопрос взаимоотношений помещика с крепостными[2]. Она поднимается в двух письмах-статьях ВМ — «Русской помещик» и «Сельский суд и расправа». Адресаты обоих писем не установлены, Гоголь под первым указал год написания — 1846, под вторым — 1845. Пожалуй, патерналистская программа отношений помещика и его крестьян — это одна из наиболее консервативных идей в книге. Не случайно В.Г. Белинский особенно критиковал письмо «Русской помещик» как в печатной рецензии на книгу Гоголя[3], так и в известном письме, отправленном автору ВМ из Зальцбрунна 15 июля (н. ст.) 1847 г.[4]

С точки зрения Гоголя, ключевой момент во взаимоотношениях барина и мужика — необходимость признания обеими сторонами принципа социального неравенства людей. Именно поэтому первое, что должен сделать помещик, приехав к себе в деревню, собрать мужиков и объяснить им, «что такое ты и что такое они. Что помещик ты над ними не потому, чтобы тебе так хотелось повелевать и быть помещиком, но потому что ты уже есть помещик, что ты родился помещиком»[5] («Русской помещик»). По Гоголю, равенство возможно только перед лицом Божьим, в светском же обществе, люди объективно не равны по своим духовным, моральным, умственным и физическим качествам и в соответствии с этим неравенством должны иметь неравное значение в государственном организме. Эта идея полностью отвечает консервативной идеологии автора ВМ и в общем является одной из ведущих в мировом консерватизме[6].

[2] Примечательно, что Гоголь вообще не рассматривал в ВМ проблему свободных и государственных крестьян, используя слова «крепостной» и «крестьянин» как синонимы.

[3] См.: *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М., 1956. С. 60—78.

[4] Там же. С. 212—220.

[5] *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. [М.; Л.], 1937—1952. Т. 8. С. 322. В дальнейшем произведения и письма Гоголя цитируются по этому изданию в тексте с указанием римской цифры — тома, арабской — страницы.

[6] См., напр., в книге основоположника консервативной идеологии Э. Бёрка: «Во всех обществах, состоящих из разных классов граждан, необходимо, чтобы был выделен определенный класс, которому принадлежало бы господство» (*Бёрк Э.* Размышления о французской революции // Политические институты и обновление общества. М., 1983. С. 197).

Хотя к 1840-м гг. под давлением радикально-либеральной общественности русская консервативная мысль пришла к выводу о необходимости постепенной отмены крепостного права и подготовки крестьян к свободе через создание соответствующей системы образования[7], Гоголь не выступал за отмену крепостного права и не рассматривал его в ВМ как анахронизм или форму рабства, но как патриархально-патерналистские отношения (можно сказать, родственные), которые служат взаимному спасению душ помещика и крестьян [Виноградов, Воропаев, 2010, с. 546]. Как справедливо отметил ещё в 1909 г. К.С. Хоцянов, Гоголь «санкционировал лишь то, что составляло священную обязанность помещиков по отношению к крестьянам, лишь то, что должно было сделать помещиков слугами крестьян» [Хоцянов, 1910, с. 21][8].

Поддержку идеи социального неравенства людей Гоголь искал в христианском вероучении: «Ты родился помещиком <...> взыщет с тебя Бог, если бы ты променял это званье на другое, потому что всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом <...> по-

[7] Как указывает В.И. Семевский в авторитетном труде «Крестьянской вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века» (1905 г.), уже в 1844 г. Николай I объявил: «Главная цель моя — изменить крепостное у нас состояние» [Цит. по: Семевский, 2013, с. 97]. Вместе с тем Семевский отмечает, что во второй половине 1840-х гг. в литературе и журналистике существовал негласный запрет на изображение «худой жизни» крепостных [там же, с. 103], однако «охотно пропускались такие произведения, как “Переписка с друзьями” Гоголя, где автор придает власти помещика особенно возвышенное значение» [там же, с. 105—106]. Едва ли с этим можно согласиться, ведь ВМ подверглись жесточайшей цензуре: было запрещено 5 писем из 32, а в оставшихся (в том числе в статье «Русской помещик») были сделаны значительные купюры. По-видимому, речь идет об общем запрете на упоминание о существовании «крещеной собственности».

[8] Как отмечено комментаторами [Виноградов, Воропаев, 2010, с. 547], эта мысль перекликается с мнением Ф.М. Достоевского, который, отвечая либеральному публицисту А.Д. Градовскому, подвергнувшему критике речь Достоевского на Пушкинском празднике 8 июня 1880 г., писал: «...если б только Коробочка стала и могла стать *настоящей,* совершенной уже христианкой, то крепостного права в ее поместье уже не существовало бы вовсе, так что и хлопотать бы не о чем было, несмотря на то что все крепостные акты и купчие оставались бы у ней по-прежнему в сундуке. <...> Надо же понимать хоть сколько-нибудь христианство! И какое дело тогда Коробочке, *совершенной* уже христианке, крепостные или некрепостные ее крестьяне? Она им “мать”, настоящая уже мать, и “мать” тотчас же бы упразднила прежнюю “барыню”. Это само собою бы случилось. Прежняя барыня и прежний раб исчезли бы, как туман от солнца, и явились бы совсем новые люди, совсем в новых между собою отношениях, прежде неслыханных. <...> крестьяне Коробочки сами бы тогда не пошли от нее, по той простой причине, что всяк ищет, где ему лучше. В учреждениях, что ли, ваших было бы ему лучше, чем у любящей их, родной уже матери помещицы? <...> В христианстве, в настоящем христианстве, есть и будут господа и слуги, но раба невозможно и помыслить» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя на 1880 год. Глава третья // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990. Т. 26. С. 162—163).

тому что нет власти, которая бы не была от Бога»[9]. Правда, разные права помещика и крестьянина предполагают и разный уровень ответственности перед Богом, ведь помещик отвечает не только за свою жизнь, но и за жизнь своих крестьян: «...с тебя взыщет Бог за последнего негодяя в селе» (VIII, 322). По-видимому, именно нравственная обязанность помещиков опекать своих крепостных гуманизирует в глазах Гоголя крепостное право и служит оправданием его существования.

Еще одна важная установка, которую должны признать помещик и крестьяне с самого начала, — это вера в то, что помещик не хочет нажиться на своих крепостных. По Гоголю, крестьяне должны понять, что они трудятся не ради получения помещиком прибыли (отсюда почти нелепый совет автора ВМ, кстати, исключенный цензурой, сжечь на глазах крестьян ассигнации), а потому, что «Богом повелено человеку трудом и пóтом снискивать себе хлеб» (VIII, 322). Последнее утверждение — явное напоминание помещику выражения из Ветхого Завета: «В поте лица твоего будешь есть хлеб...» (Бытие, гл. 13, ст. 19). Этот тезис Гоголя (о необходимости труда как такового, а не с целью получения денег) перекликается с идеей одного недатированного наброска писателя, впервые опубликованного в «Собрании сочинений» 1896 г. и по непонятным причинам не вошедшего в Академическое собрание сочинений: «Человек рожден на то, чтобы трудиться. “В поте лица снеси хлеб свой”, — сказал Бог по изгнаньи человека за непослушанье из рая, и с тех пор это стало заповедью человеку, и кто уклоняется от труда, тот грешит перед Богом. <...> Богу не нужно, чтобы ты выработал много денег на этом свете; деньги останутся здесь. Ему нужно, чтобы ты не был в праздности и работал. Поэтому, работая здесь, вырабатывает себе Царствие Небесное, особенно если работает с мыслью, что он работает Богу. Работа — святое дело»[10].

И идея самоценности труда, и мысль о неравенстве людей опираются у Гоголя, как мы видим, на Библию. Закономерно, что третьим изначальным условием общения помещика с крестьянами становится постоянное обращение барина к Библии: «И всё, что им ни скажешь, подкрепи тут же словами Святого Писания; покажи им пальцем и самые буквы, которыми это написано; заставь каждого перед тем перекреститься, ударить поклон и поцеловать самую книгу, в которой это написано» (VIII, 322). Гоголь уверен, что «в которую деревню заглянула только христианская жизнь, там мужики лопатами гребут серебро» (VIII, 324).

[9] Последняя фраза — реминисценция из Послания св. апостола Павла к римлянам: «...ибо нет власти не от Бога» (гл. 13, ст. 1).

[10] *Гоголь Н.В.* Соч. 10-е изд. Т. 6. М.;СПб., 1896. С. 452—453.

После указания на первоначальные необходимые условия при общении помещика и крестьянина Гоголь рассмотрел различные вопросы, которые должны занимать барина в деревне: вопрос об устройстве хозяйства, о телесных наказаниях, о крестьянской грамотности, а также о взаимоотношениях с сельским священником.

Так, главный совет об организации хозяйства, который дает Гоголь своему адресату, состоял в том, что необходимо «придерживаться всего старого». Автор не уточнил, что под этим подразумевалось, к какому периоду можно отнести это «старое», но, по-видимому, речь шла о временах допетровской Руси, когда жизнь помещика (особенно сельского) мало чем отличалась от крестьянской, когда помещики иногда работали вместе с крепостными или ели с ними за общим столом. О важности личного примера и вспомнил здесь Гоголь: «Заведи, чтобы при начале всякого общего дела, как-то: посева, покосов и уборки хлеба, был пир на всю деревню <...> и обедал бы ты сам вместе с ними, и вместе с ними вышел бы на работу, и в работе был бы передовым» (VIII, 324). Гоголь считал, что такое поведение полезно и здоровью помещика: «Возьми сам в руки топор или косу; это будет тебе в добро и полезней для твоего здоровья всяких Мариенбадов, медицинских муционов и вялых прогулок» (VIII, 325).

Весьма важен для Гоголя и тезис о запрете на телесные наказания: «Мужика не бей. Съездить его в рожу еще не большое искусство». Как мера поощрения или наказания крестьянина рассматривалось Гоголем слово: «Держи у себя в запасе все синонимы молодца для того, кого нужно подстрекнуть, и все синонимы бабы для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лентяй и пьяница есть баба и дрянь» (VIII, 324). В черновиках ВМ было дано и другое «ругательное» слово — «назови немцем, если не хватит другого слова», к этому выражению Гоголь дал примечание и пояснил: «Немцем называет русской народ всякого, кто не умеет говорить по-русски, а не то, чтобы он разумел под этим какую-нибудь германскую нацию» (VIII, 695).

Интересно, что в словаре Академии Российской (1789—1794) у существительного «баба» нет отрицательного значения, хотя дана явно негативная поговорка «Бабьих басней отрицайся»[11]. А в словаре В. И. Даля такое отрицательное значение у лексемы «баба» уже присутствует: «Бранно, мужчину зовут бабою. Эка баба, что нюни распустил? Он такая баба, что всякому в обиду дается, вялый, дрянной, робкий, неуправный»[12]. Бранное именование бабой встречается и в письмах Гоголя. Так, в письме С.Т. Аксакову 14 мая (н. ст.)

[11] Словарь Академии Российской. СПб., 1789. Т. 1. Стлб. 63.

[12] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2003. Т. 1. С. 32.

1844 г. сказано: «В русской природе то по крайней мере хорошо, что если немец, например, *человек-баба*, то он останется *человек-баба* на веки-веков. Но русский человек может иногда вдруг превратиться в *человека-небабу*» (XII, 302—303). А в письме Н.М. Языкову 2 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь прямо говорит о воспитательном значении слова: «Да его (русского человека. — *Е.С.*) стоит только хорошенько попрекнуть, назвав его бабой и хомяком, загнуть ему знакомую поговорку и сказать, что вот, де, говорит немец, что русский человек ни на что не годен, — как из него уже вмиг сделается другой человек» (XII, 445).

В вопросе о грамотности крестьян и заведении школ в деревне Гоголь занял неоднозначную позицию. С одной стороны, он утверждал, что «учить мужика грамоте затем, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки, которые издают для народа европейские человеколюбцы, есть действительно вздор». Однако публицист допускал, что среди крепостных может появиться тот, кто будет стремиться к просвещению: «Воспитай его как сына и на него одного употреби все, что употребил бы ты на всю школу» (VIII, 325). Между тем остается неясной дальнейшая судьба такого крестьянина: по-видимому, после получения образования крестьянин в свое сословие не вернется и по сути перестанет быть «крестьянином» — это еще раз подчеркивает гоголевскую консервативную идею жестких и непреодолимых сословных границ. Можно здесь также увидеть и некоторое недоверие к народу, к его способности выбирать себе чтение самостоятельно, что также объясняется патерналистской идеологией автора ВМ.

Гоголь был уверен, что «деревенский священник может сказать гораздо больше истинно нужного для мужика» (VIII, 325), чем тот прочитает в светских книгах. Именно поэтому много внимания Гоголь уделил вопросу отношения помещика с сельским священником, над которым помещик должен взять «шефство».

Во-первых, надо везде брать его с собой, что преследует сразу две цели: иерей увидит настоящие, правильные отношения барина и мужика («Тут он увидит ясно, что такое помещик, что такое мужик, и каковы должны быть их отношенья между собою»). Кроме того, в такого рода ситуациях крестьяне оценят авторитет священника: «А между тем и к нему будет больше уваженья со стороны мужиков, когда они увидят, что он идет с тобой об руку». Во-вторых, нужно материально обеспечить священника: «Сделай так, чтобы он не нуждался в дому своем, чтобы был обеспечен относительно собственного своего хозяйства, и через то имел бы возможность быть с тобой беспрестанно» (VIII, 326). Но даже этого недостаточно. Гоголь настаивал, чтобы помещик учил (!) священника, как составлять проповедь и проводить исповедь.

Для составления проповеди помещик должен посоветовать батюшке литературные источники (например, Златоуста[13]), указать нужные фрагменты из этих источников и даже провести со священником репетицию проповеди: «...перед тем, как произносить их (фрагменты из Златоуста. — *Е.С.*) народу», священник должен прочитать «их несколько раз с тобою вместе». Правда, здесь же Гоголь напомнил, что проповедь нельзя превращать в спектакль, как это сделано «знаменитыми европейскими проповедниками», которых «высший круг» ездит слушать «таким же самым образом, как едет в оперу или в спектакль». Для исповеди священник должен с помощью помещика узнать всех мужиков и «так пронять из них всякого, что он как из бани» (VIII, 327) должен выходить из церкви. Такое подчинение духовной власти светской, очевидно, объясняется низким уровнем знаний молодого сельского священника, ведь «никакая семинария и никакая школа не может <...> воспитать священника. В семинарии он получает только начальное основание своего воспитания, образуется же вполне в деле жизни» (VIII, 325). Вместе с тем можно увидеть здесь (вслед за прот. Г.В. Флоровским) идею усиления светской власти над духовной, появление еще одной «инстанции», параллельной Синоду или александровскому Министерству духовных дел: «...в религиозно-социальной утопии Гоголя государство ведь заслоняет Церковь и творческая инициатива предоставляется мирянам, в порядке их “службы”, а не иерархии и духовенству» [Флоровский, 1983, с. 267]. Однако помещикам, которые должны руководить священниками, необходимо отказаться от мирского образа жизни и превратиться в «монахов в миру»: «Монастырь ваш — Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней» (VIII, 301)[14].

Важнейшей «точкой соприкосновения» в отношениях помещика и крепостного должен, по Гоголю, являться суд: «Никак не пренебрегайте расправой и судом. <...> Судите сами. Этим одним вы укрепите разорванную связь помещика с крестьянами. Суд — Божье

[13] Указание на Златоуста Гоголь объяснял так: «...говорю потому Златоуста, что Златоуст, имея дело с народом-невежею, принявшим только наружное христианство, но в сердцах остававшимися грубыми язычниками, старался быть особенно доступным к понятиям человека *простого и грубого* (курсив наш. — *Е.С.*) и говорит таким живым языком о предметах нужных и даже очень высоких, что целиком можно обратить места из проповедей его к нашему мужику, и он поймет» (VIII, 326—327). В этих словах вновь видно недоверие автора ВМ к мужику.

[14] Анализируя такое противоречие (светская власть довлеет над духовной, но при этом сама уходит от мира), В.М. Маркович приходит к верной, с нашей точки зрения, мысли о существовании в ВМ мотивных диалектических связей, которые действуют «независимо от временных или причинно-следственных связей сюжета» [Феномен Гоголя, 2011, с. 374].

дело, и я не знаю, что может быть этого выше» («Сельский суд») (VIII, 341). При этом Гоголь рассматривал суд с позиций христианина, поэтому предлагал «судить всякого человека двойным судом»: на «человеческом» суде нужно оправдать правого и осудить виноватого, а на суде «Божеском» осудить обоих: «Выведите ясно первому, как он сам был тому виной, что другой его обидел, а второму — как он вдвойне виноват и пред Богом и пред людьми; одного укорите, зачем не простил своему брату, как повелел Христос, а другого попрекните, зачем он обидел самого Христа в своем брате» (VIII, 342).

Источником предложенной Гоголем оптимальной программы отношений помещика и крепостных можно, конечно, признать размышления писателя под впечатлениями детства. Ведь Гоголи-Яновские были помещиками средней руки и владели примерно 400 душами крестьян. Юный Николай мог видеть, как общается с крепостным его отец Василий Афанасьевич[15]. Вместе с тем нельзя не учитывать, что ВМ органично вписаны в консервативный журнальный дискурс 1840-х гг., поэтому логично предположить, что многое в консервативной программе Гоголя коррелирует с консервативными публикациями журналов того времени. Так, мы обнаружили много общего между «Русским помещиком» и повестью историка и педагога И.Г. Кулжинского «Уездный судья нашего уезда», опубликованной в «Маяке современного просвещения и образованности» в 1842 г.

Сюжет в повести практически отсутствует. Главный герой, от чьего лица ведется повествование, купил себе имение в Грязеславской губернии и познакомился с местным судьей-помещиком Юрием Александровичем, который имел 400 душ крестьян. Большую часть произведения занимают советы заглавного героя так же, как и в ВМ, другому помещику в управлении хозяйством. Основная идея этих советов — «поставьте себе первым и самым священным делом: сделать своих крестьян добрыми и усердными христианами»[16].

[15] В статье «Русской помещик» указано, что помещик Б.Н. Б...м, советы которому дает Гоголь в этом письме, владел 800 душами крестьян (VIII, 328). Адресат письма не установлен, предположение комментаторов (Н.Ф. Бельчиков и Б.В. Томашевский) Академического собрания сочинений Гоголя, что письмо адресовано племяннику А.П. Толстого В.В. Апраксину (VIII, 796), представляется недоказуемым. Напротив, мы склонны согласиться с В.В. Гиппиусом, что это письмо, «несомненно, обращено к воображаемому адресату» [Гиппиус, 1966, с. 182], поэтому количество крестьян (800) — это цифра придуманная.

[16] *Кулжинский И.Г.* Уездный судья нашего уезда // Маяк современного просвещения и образованности. 1842. Т. 4. Кн. 7. С. 176. В дальнейшем повесть Кулжинского цитируется по этому изданию в тексте в скобках с указанием книги (номера) журнала и страницы.

Помещик в повести Кулжинского признает социальное неравенство людей и настаивает на отеческом обращении с крестьянами: «Помещик есть природный наставник, учитель, владыка, отец и благодетель своих крестьян» (№ 7, с. 177). Как и Гоголь, Кулжинский рассматривал помещика как отца и благодетеля своих крестьян: «Да смотрите на своих людей, как на христиан, ваших братьев, ваших детей, за которых ожидает вас страшная ответственность пред престолом Всевышнего» (№ 7, с. 176). Если помещик не будет мудрым правителем своим крестьянам, не выполнит Божью волю, «горе ему, ежели он не сделает их нравственно лучшими, благочестивыми и трудолюбивыми, ежели не наставит их в благочестии и в исполнении всех обязанностей практической христианской жизни» (№ 7, с. 177). Причем, акцентируя более меркантильный, чем у Гоголя, подход, Кулжинский уверен, что интересы помещика солидарны с интересами крестьян: «Жаль мне помещика, если он даже и того не понимает, что благочестивые и нравственные крестьяне могут более трудиться в его пользу и более доставлять ему даже вещественных выгод» (№ 7, с. 178).

Вместе с тем важное качество помещика для Кулжинского (как, впрочем, и для Гоголя) — отсутствие интереса к деньгам и желания нажиться на крепостных. Помещик, объясняя, почему у него в деревне такие хорошие избы, замечает: «Здоровое дерево идет на разные поделки по хозяйству моих добрых мужичков, и вот прошлую зиму мы решились из толстых берез сколотить уже и две крестьянские избы» (№ 7, с. 174). Должен помогать помещик крестьянам и в быту: «К сотне крестьянских лошадей я прикупил еще своих пятьдесят; крестьянам начал отпускать даровой хлеб» (№ 6, с. 59).

Принципиальная позиция помещика у Кулжинского (и здесь они с Гоголем солидарны) — это идея важности личного примера со стороны барина: «Так берите косу да и в самом деле принимайтесь за урок» (№ 7, с. 173). Причем, общаясь с крестьянами, помещик должен постоянно равняться на библейские заветы: «Стоит только в одном чем-либо ослушаться церковных правил, захочется ослушаться и в другом, и так далее» (№ 6, с. 54).

Судья в повести с сомнением относится к продолжению западных заимствований в ведении хозяйства: «Кажется, мы дожили уже до той поры, <...> что можем прилично и выгодно жить, не заимствуя у иностранцев ни их мод, ни нравов, ни платья, ни напитков» (№ 6, с. 55).

С особенным вниманием относится помещик у Кулжинского к Слову и его воспитательной функции при общении барина и мужика: «Обходитесь с ними (крестьянами. — *Е.С.*) любовно, не запанибрата, — нет, от этого Боже упаси! но милостиво и кротко, с увещанием (так! — *Е.С.*)» (№ 7, с. 177—178).

Проблема крестьянской грамотности и заведения народных школ решена у Кулжинского точно в том же ключе, что и в «Русском помещике» Гоголя: «Это дело еще не решенное, полезно ли наших мужичков учить грамоте <...> Если вам угодно знать мое мнение, то думаю, что грамота для крестьян полезна потому только, что она учит Богу молиться. Пусть учатся читать церковные книги, а больше ничего не надобно». Напротив, «способный мальчик после, когда понадобится, <...> мигом поймет и гражданскую грамоту» (№ 6, с. 34).

Наконец, много внимания уделяет помещик в повести воспитанию сельского священника: «Кроме собственного примера благочестивой жизни помещика, сильно действующего на простодушных поселян и невольно увлекающего их к подражанию, надобно еще деятельное наставление священника <...> Пусть им (крестьянам. — *Е.С.*) будет известно и очевидно то уважение и почтение, которым вы окружили служителя Божия» (№ 7, с. 177). Сходятся Гоголь и Кулжинский даже в такой детали, как материальное обеспечение иерея. «Старайтесь обеспечить его (сельского священника. — *Е.С.*) в содержании» (там же), — замечает Кулжинский, и его герой назначает сельскому священнику жалование в 400 рублей в год (№ 11, с. 25).

Хотя объективно между статьями ВМ и повестью Кулжинского существуют лишь переклички, они очень существенны, высказаны по принципиальным вопросам и могут свидетельствовать о довольно близком знакомстве автора ВМ с повестью Кулжинского и о существовании интертекстуальных связей между этими произведениями, что позволяет ввести данную повесть в список возможных источников ВМ. Это тем более вероятно, что Гоголь интересовался в 1840-е гг. консервативной журналистикой, представленной в том числе «Маяком», и лично знал автора повести еще в Нежинской гимназии, в которой учился с 1821 по 1829 г., а Кулжинский преподавал у него латинский язык с 1825 по 1829 г.[17] Отметим, что Кулжинский был одним из немногих, кто встретил ВМ с одобрением, а в конце 1850-х гг. в письме Н.В. Гербелю защищал книгу от нападок. Комментируя распространившийся в это время слух о сумасшествии Гоголя, которое якобы нашло отражение в ВМ, Кулжинский писал: «У человека больна душа, от души разболелось тело. А его лечат от простуды!»[18].

[17] См.: *Супронюк О.К.* Н.В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии: Биобиблиографический словарь. Киев, 2009. С. 213.

[18] ОР РНБ. Ф. 179. № 57. Л. 1. Примечательно, что в 1853 г. Кулжинский подготовил книгу «Сочинения И.Г. Кулжинского», по тематике и жанрово-стилистическим особенностям близкую ВМ (РО ИРЛИ. Ф. 737. № 4776, 23439 (копия постановления цензурного комитета о запрещении книги «Сочинения И.Г. Кулжинского», 1853).

Как известно, многие черты идеального помещика Гоголь перенес в созданный во второй половине 1840-х гг. второй том «Мертвых душ» и даже прямо — помещика Константина Федоровича Костанжогло (Скудронжогло в ранней редакции). Общим местом в исследовательской литературе стало утверждение, что мировоззрение Костанжогло — это прямой пересказ идей статьи «Русской помещик» [Степанов, 1959, с. 564]. Не случайно, думается, в тех главах второго тома, где появляется Костанжогло, сюжет (и так ослабленный в дошедших до нас фрагментах произведения) практически уходит, поэма превращается в политико-экономический трактат. Итальянский славист Г. Карпи подсчитал, что экономическая тема (отношения собственности, управление усадьбой, торговые операции и т.д.) в первых двух главах позднейшей редакции второго тома поэмы занимает значительное место — соответственно 5 и 6,74% текста, а в третьей главе, где появляется Костанжогло, она подскакивает до 39,23% и принимает совершенно несвойственный для художественного произведения масштаб, в четвертой главе даже поднимаясь до 45,37% [Карпи, 2009, с. 76].

Действительно, многое в образе Костанжогло напоминает нам «русского помещика» из одноименной статьи ВМ. Так, гоголевский помещик подчеркивает, что барин должен нести ответственность за своих «детей» — крестьян: «Случился падеж, уж тут нечего глядеть на свое добро: тут всё свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы он не оставался и одного дни без средств производить работу» (VII, 81).

Герой второго тома постоянно подчеркивает важность личного примера: «Я и сам работаю, как вол, и мужики у меня <...> вся дрянь лезет в голову оттого, что не работаешь» (VII, 60); «Сам возьми в руку заступ, жену, детей, дворню заставь; безделица! умри, скотина <?>, на работе. Умрешь, по крайней мере, исполняя долг, а не то, обожравшись, — свиньей за обедом» (VII, 81). Но такая работа совершается помещиком не ради прибыли, Костанжогло с пренебрежением смотрит на деньги («...прехладнокровно взял их и, не считая, сунул в задний карман своего сертука» (VII, 61)) и на то, во что он одет: «О наряде своем он не думал» (VII, 59).

В хозяйстве гоголевский помещик придерживался всего старого и, не обдумав, не принимал нового — «расторопно, осмотрительно, ничего не заводя нового, не узнавши насквозь всего старого, все высмотревши собственными глазами, всех мужиков узнавши, все излишества от себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству» (VII, 77). Он с сомнением относился к западным новинкам («дури в чужи») и считал, что помещик — «этакое звание почтенное» — ни в коем случае не должен становиться на западный манер «мануфактуристом, фабрикантом» (VII, 67).

Костанжогло пропагандировал любовь к труду: «Надобно иметь любовь к труду. Без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство, да. И, поверьте, это вовсе не скучно» (VII, 72). При этом он ценил труд как таковой: «Бог предоставил себе дело творенья, как высшее всех наслажденье, и требует от человека также, чтобы он был подобным творцом благоденствия вокруг себя» (VII, 73) — и, как и Гоголь в ВМ, особенно уважал хлебопашество: «...хлебопашец у нас всех почтеннее <...> Дай Бог, чтобы все были хлебопашцы» (VII, 69).

Одним штрихом описывает крестьянин священников в имении Костанжогло: «...священники таки сердобольные. А ведь у нас (в другом имении. — *Е.С.*) <...> и хоронить некому» (VII, 60). Но, как и подобает идеальному, с точки зрения Гоголя, помещику, Костанжогло с сомнением относился к заведению в деревнях крестьянских школ. Оценивая соседей-помещиков, Констанжогло с сожалением замечал: «Ведь теперь явилось в русском характере донкишотство, которого никогда не было. Просвещенье придет ему в ум — сделается Дон-Кишотом просвещенья, заведет такие школы, что дураку в ум не войдет. Выйдет из школы такой человек, что никуда не годится; ни в деревню, ни в город, только что пьяница, да чувствует свое достоинство» (VII, 68). Последнее утверждение Костанжогло (в его интерпретации чувствовать достоинство, безусловно, плохо) — полемический ответ Гоголя Белинскому и одновременно реминисценция из зальцбруннского письма, в котором неистовый критик восклицал: России «нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, сколько веков потерянного в грязи и навозе»[19].

Примечательно, что журналы того времени много писали о заведении народных школ, — и особенно подробно (что, в принципе, закономерно) эта проблема освещалась в официальном «Журнале Министерства народного просвещения», публикации которого Гоголь также мог учитывать при написании ВМ и второго тома «Мертвых душ». В журнале декларировалась идея распространения всеобщей грамотности среди крестьян: «...надобно согласиться наперед, во-первых, в том, что грамотность есть первая ступенька для народного образования: без нее нельзя стать на вторую»[20].

[19] *Белинский В.Г.* Указ. соч. С. 213. См. об этом подробнее в статье С.А. Кибальника «Криптопародии Гоголя и Достоевского на “письмо Белинского к Гоголю”» [Феномен Гоголя, 2011, с. 532—542].

[20] *И.Г.* [*И.Д. Галанин*] <Рецензия на книгу С.А. Маслова:> О всенародном распространении грамотности в России на религиозно-нравственном основании. М., 1845 // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. Т. XLIX. С. 47.

Крестьянская грамотность необходима в том числе для экономического развития деревни: «...знание грамоты может доставить пользу крестьянам не только в духовном отношении, но и в общественной их жизни, и в особенности ремесленникам, которые с нею могут быть употреблены в конторах»[21].

Тем не менее И.Д. Галанин, ведший в журнале отделение «Обозрение книг и журналов», настаивал, что распространение грамотности среди крестьян необходимо, но школы для этого заводить необязательно: «...надобно ясно различать всеобщее народное образование грамотностью от частного, передаваемого в школах с большим или меньшим предметом учения. Грамотность может и должна быть общею всему народу, школы же доступны не для всех: они требуют и особого устройства, и рассмотрения курсов учения и выбора преподавателей»[22]. И действительно, зачем заводить для крестьян школы, если, по логике Галанина, «учить грамоте может всякий грамотный и везде»[23]?

Если же заводить школы, то набор предметов там должен быть весьма ограничен. В рецензии на книгу А.С. Шишкова «Завещание моим крестьянам, или нравственное им наставление» (М., 1838) Н. Берте указывает, что в имении Шишкова все мальчики 8 или 9 лет поступали в домашнее училище, однако учились они в основном духовным предметам: «Учение катихизическое», Кратная Священная История, несколько самонужнейших молитв, некоторые притчи и другие места из Евангелия, краткое понятие о Литургии, краткое христианское нравоучение. Из остальных наук преподаваемы были лишь первые четыре правила арифметики, счисление по счетам и «некоторые нужные в общежитии сведения, по тетрадям», например (!), краткое изложение того, какие определены наказания за преступление крестьян[24]. Такое обучение, по мысли рецензента, объясняется тем, что «начало и основание благополучия как отдельного лица, так и целого общества заключается — в страхе Божием и в благочестии»[25]. Консервативная программа, близкая взглядам Костанжогло, очевидна.

Для наглядности представим полученные данные в виде таблицы (знак «+» обозначает присутствие в тексте этой позиции, знак «–» — отсутствие).

[21] *Берте Н.* <Рецензия на книгу А.С. Шишкова:> Завещание моим крестьянам, или нравственное им наставление. М., 1838 // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Т. XXII. С. 7.

[22] *И.Г.* [*И.Д. Галанин*]. Указ. соч. С. 47.

[23] Там же. С. 51.

[24] См.: *Берте Н.* Указ. соч. С. 3.

[25] Там же. С. 2.

Позиция	Повесть И. Г. Кулжинского «Уездный судья нашего уезда»	ВМ	«Мертвые души» (т. 2)
Признание социального неравенства людей как нормы	+	+	+
Ответственность помещиков за крестьян (патернализм помещика)	+	+	+
Немеркантильность помещика	+	+	+
Важность личного примера со стороны помещика	+	+	+
Постоянное обращение помещика к Библии	+	+	–
Консерватизм в ведении хозяйства, страх перед западными нововведениями	+	+	+
Запрет на телесные наказания со стороны помещика, увещевание словом	+	+	–
Нежелание помещика заводить народные школы	+	+	+
«Шефство» помещика над сельским священником	+	+	+

Как видно из приведенной таблицы, образ Костанжогло не вписывается в концепцию идеального русского помещика по двум параметрам. Судя по дошедшим до нас отрывкам, герой «Мертвых душ» не высказывается по поводу телесных наказаний. Кроме того, принципиально для Гоголя то, что персонаж вообще не обращается к религии и, следовательно, живет слишком мирской жизнью[26]. Таким образом, он продолжает галерею мертвых душ, изображенных Гоголем в первом и втором томах поэмы, ведь, как известно, одно из значений слова «мертвый» в гоголевские времена — «невозрожденный, недуховный, плотский или чувственный»[27]. Тем самым становится понятной оценка Гоголем Костанжогло в воспоминаниях А. О. Смирновой — помещик не идеален,

[26] Правда, в речи Костанжогло можно найти скрытую апелляцию к Священному Писанию. В сохранившихся главах второго тома Костанжогло говорит: «Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду перед Богом прав...» [VII, 69]. Здесь слышится отзвук слов Спасителя: «Горе миру от соблазнов: ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7). Пользуюсь случаем поблагодарить профессора В.А. Воропаева за данное замечание.

[27] *Даль В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 319.

потому что «обо всем заботится, но о *главном* (курсив наш. — *Е.С.*) не заботится»[28].

Таким образом, пространство повседневности «русского помещика», по Гоголю, было наполнено духовным и хозяйственным наставлением мужиков и общей с ними работой, чтением духовной литературы, а также общением с сельским священником. Как справедливо отметил Д.И. Чижевский, «русская интеллигенция вообще с некоторым пренебрежением и даже презрением относилась к хозяйственным проблемам» [Чижевский, 2002, с. 217]. Может быть, в этом еще одна причина, почему современники не приняли книги Гоголя, ведь писатель предложил целую программу (пусть и утопичную) хозяйственно-экономических отношений идеального помещика и его крепостных. Концепция Гоголя никак не вписывалась в радикально-либеральный курс, который все активнее пропагандировала значительная часть русского общества.

Список литературы

Анненкова Е.И. Концепция государственности в публицистике Н.В. Гоголя // Вестн. Бирской гос. социально-педагогической академии. Филология. Бирск, 2007. Вып. 12.

Виноградов И.А., Воропаев В.А. Комментарии // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Киев, 2010. Т. 5.

Гиппиус В.В. Творческий путь Гоголя // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока М.;Л., 1966.

Карпи Г. Гоголь — экономист. Второй том «Мертвых душ» // Вопросы литературы. 2009. № 3.

Манн Ю.В. Гоголь. Завершение пути: 1845—1852. М., 2009.

Последняя книга Гоголя: Сб. статей и материалов / Сост. И.Р. Монахова, И.П. Золотусский. М., 2010.

Семевский В.И. Крестьянской вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века. М., 2013.

Степанов Н.Л. Н.В. Гоголь: Творческий путь. М., 1959.

Феномен Гоголя: Мат-лы Юбилейной междунар. науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. СПб., 2011.

Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1983.

Хоцянов К. Речь о Н.В. Гоголе по случаю столетия со дня его рождения (произнесенная 20 марта в Псковском Кадетском корпусе). Псков, 1910.

Чижевский Д. Неизвестный Гоголь // Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь: Из наследия русской эмиграции. М., 2002.

Поступила в редакцию
07.01.2013

[28] *Смирнова А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 66. В контексте подобной оценки Костанжогло И.А. Виноградов и В.А. Воропаев указывают, что во втором томе Гоголь намеревался бороться с характерами «сильнейшими» (неотправленное письмо Белинскому 1847 г.), стремясь, по его словам из письма В.И. Белому от 16 мая 1849 г., «показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характеров *главное*» [Виноградов, Воропаев, 2010, с. 644].